

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

ПУТАНА

ЭКСМО

Путана

Михаил Серегин

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

«Научная книга»

2001

Серегин М. Г.

Основной инстинкт / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2001 — (Путана)

Виктор – киллер, а Вера – проститутка. Он привык убивать, а она платить за все своим телом. Они встретились совершенно случайно, но встреча изменила их судьбы. За Виктором идет охота по всем правилам, нет никакого сомнения, что дни его сочтены. Но Вера не хочет этого. А если женщине что-то пришло в голову, ее не остановит ни ОМОН, ни пахан...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил СЕРЕГИН

ПУТАНА: ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

Глава 1

За последние месяцы она так измучилась со своей больной матерью, которая не вставала с постели уже несколько лет и держалась только на наркотиках, что каждый день готова была сама ее убить.

Одно время Вере казалось, что она смогла изменить свою судьбу, которую словно по наследству получила от матери. Но деньги, скопленные за время работы в Парке, таяли с катастрофической быстротой – матери требовались все большие дозы наркотиков и все чаще. Вере поневоле приходилось возвращаться к своей прежней профессии, от которой, как ей казалось, она избавилась навсегда. Мать тянула ее за собой, заставляя повторять свою судьбу. В Парке ее еще не успели забыть, и возвращение Верки было отпраздновано ее подругами-проститутками ужином в «Метрополе», во время которого они пытались поначалу изображать «девичник» светских дам, но, подвыпив, принялись снимать клиентов и были вышвырнуты охраной на улицу. Хотели как лучше, а получилось как всегда – полное дерьмо.

Подрабатывая в Парке, еще можно было тянуть. Но тянуть можно было только с надеждой на то, что скоро все это кончится. Мать должна скоро умереть, и Вера вновь сумеет подкопить денег, чтобы бросить ту профессию, которую она ей передала по наследству. Ей тошно было думать о себе как о представительнице династии проституток.

Сейчас она ехала на метро на другой конец Москвы, где в провонявшей отмирающей плотью квартире мать ждала очередную дозу.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Краснопресненская».

«Франсуаза Саган – бездарная писательница, – подумала Вера, перелистывая книжку в мягкой обложке. – Эти розово-голубые романтические сказки хороши для глупых девочек, которые по ночам испытывают зуд между ног и мечтают о мужском члене, плохо представляя себе, что это такое. Для них это такая мускулистая палочка с красивым бантиком... Странно, но я не испытываю раздражения от ее книжек, хотя прекрасно понимаю, как все это глупо и совсем не похоже на правду».

Она подняла глаза от книжки и еще раз посмотрела на дремлющего напротив мужчину в джинсовой куртке, на его смертельно усталое лицо. Он продолжал интересоваться ее. От него исходило предельное напряжение, оно сквозило во всей его позе, хотя глаза были прикрыты и он, казалось, спал.

Но при этом в нем чувствовалась пульсирующая энергия бодрствующей жизни, словно он ощущал себя мишенью, в которую вонзаются взгляды смотрящих на него людей.

Он был настороже, и в то же время заметно было, что это не предельное его напряжение, что сейчас он фактически позволил себе расслабиться.

«Какой странный! – подумала Вера. – Словно загнанный зверь... Интересно, почему у него такие глаза? Где это он так вымотался? Он словно пустой мешок, но в мешке этом клубок ядовитых змей или шаровая молния...»

Она снова уткнулась в книгу, опасаясь проявить откровенный интерес к сидящему напротив мужчине. Как сексуальные объекты мужчины ее не интересовали, слишком уж отбивало ее ремесло подобные желания. Поэтому она и не хотела, чтобы мужчина заподозрил ее в том, что она пытается его просто «снять».

– Станция «Киевская». Переход на Арбатско-Покровскую и Филевскую линии.

Вера вновь подняла голову, не сразу сообразив, в каком районе Москвы находится, и вдруг встретилась взглядом с внимательно, напряженно смотревшим на нее мужчиной, сидящим напротив.

Заметив ее взгляд, он как-то странно дернулся, словно хотел что-то достать из кармана, но передумал, и Вера мгновенно охватило чувство опасности, которое исходило от этого человека. Она посмотрела на него недоуменно. Чем он мог быть для нее опасен? Он выглядел таким усталым, что она, пожалуй, не смогла бы его возбудить в постели. Но это она подумала автоматически, по укоренившейся привычке, в силу которой все встречающееся в ее жизни сравнивала с понятными и привычными ей вещами.

Вера отметила, что агрессивность во взгляде мужчины вдруг сменилась усталостью, а затем безразличием и каким-то абсолютным спокойствием и вселенским равнодушием, словно он был или бессмертным, или покойником.

Вера хотела улыбнуться, но вновь подумала, что он может неправильно истолковать ее улыбку и расценить это как попытку его «снять», и решила не давать ему повода догадываться о ее профессии. Она не любила ощущать себя проституткой и всегда старалась если не забыть об этом, то хотя бы на время выбросить это из головы.

Она опустила книжку на пухлые колени и уткнулась взглядом в строчки.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Парк культуры».

Вошедшие в вагон пассажиры нашли наконец наиболее устраивающие их места и перестали суетиться. Вера уже не могла заставить себя вникнуть в текст, она поймала себя на том, что в третий раз читает одну и ту же строчку, не понимая, о чем идет речь.

Вера посмотрела краем глаза на привлекшего ее внимание мужчину. Он вновь расслабился и сидел с прикрытыми глазами. Читать Вера уже не могла. Мужчина напротив полностью завладел ее вниманием. Почему? Хотела бы она знать – почему?

Поездки за героином для матери отнимали у нее кучу времени и откровенно раздражали ее. Сейчас, например, она ехала из Бабушкина после встречи со своим личным поставщиком, лысым и худым, как Дуремар из детской сказки. Он всю жизнь провел среди московских проституток, часто пользуясь их услугами, и сам оказывал им услуги в поставках наркотика. Где он его брал, Вера не знала и никогда не интересовалась. Он был маниакально осторожен и, может быть, поэтому до сих пор не попался с наркотиками, хотя занимался этим делом уже не один десяток лет. Он любил изображать из себя рыболова и являлся на встречу с неизменной лопатой, взятой якобы для того, чтобы накопать червей. Поэтому свидания он назначал Вере в таких экзотических московских закоулках, в которых ей самой никогда бы не пришлось в голову побывать.

На этот раз, например, она долго моталась по Перловскому кладбищу, пытаясь отыскать мост через Джамгаровский пруд. Это не говоря уже о том, что предварительно ей пришлось тащиться по Кольцевой на Северо-Восток Москвы. Встреча с поставщиком состоялась под мостом, и более идиотскую ситуацию придумать было трудно. Лысый Дуремар заботился о своей конспирации, но он явно не подумал о том, как будет выглядеть Вера, прыгающая по грязным лужам под мостом. Дуремар вообще внушал Вере отвращение, а когда он доставал пакетик с героином из банки с червями, которых и в самом деле успел накопать, ее начинало подташнивать. Но она терпела. Ради матери.

Она следила за этим мужчиной уже минут пятнадцать. Зацепилась за выражение его глаз она еще на «Рижской», когда он вошел в вагон и окинул немногочисленных пассажиров цепким взглядом. Мгновения ей хватило для того, чтобы понять, что выражение это почему-то ей очень знакомо, хотя он ни на миг не остановился на ней взглядом, а лишь слегка скользнул по ее лицу.

Ее настолько заинтересовало это, что она дальше просто пошла за ним, как в трансе, плохо понимая, что делает, – на «Проспекте Мира» вслед за ним перешла со своей линии на Кольцевую, на которой ей делать, собственно говоря, было совершенно нечего.

Идя за ним по переходу, она упорно копалась в памяти, пытаясь вспомнить, где она могла видеть эти странные глаза, взгляд которых настолько запечатлелся в ее памяти, что ей казалось, что она никогда теперь их не забудет.

Она специально села напротив него, чтобы еще раз поймать его взгляд и найти все же ответ на мучающий ее вопрос. Народу в вагоне было мало, смотреть на своего визави было удобно, но ее интерес был слишком откровенен. Поэтому она решила замаскироваться книжкой, которую достала из лежащей на коленях сумочки.

Она настолько вошла в роль читающей москвички, что смогла даже прочитать несколько строк и сразу почувствовала фальшь, сквозящую в тексте. А вот от глаз человека, который ее заинтересовал, исходила правда жизни, страшная, может быть, но правда, Вера это чувствовала.

В очередной раз оторвавшись от книги и бросив осторожный взгляд на мужчину, Вера увидела, что он дремлет, прикрыв глаза. Это был удобный момент для того, чтобы его рассмотреть.

Лицо производило странное впечатление. В целом оно выглядело довольно молодо, Вера решила, что он всего лет на пять старше ее. Но лоб прорезала глубокая морщина, которая выглядела бы органичной на лице старика, а не этого спортивного на вид человека с коротко стриженными волосами. Еще одно странное сочетание – прямой «римский» нос и тонкая линия губ, вместе составляющие четкий перпендикуляр. Вера не удивилась бы, если бы у этого человека обнаружилась привычка плотно сжимать губы, тогда нашли бы свое объяснение мелкие морщинки в уголках губ.

Брился он, похоже, давненько, впрочем, небольшая щетина не портила его лицо, а лишь придавала ему интеллигентный вид. Сейчас многие интеллигенты не следят за своим лицом, Вера знала это не понаслышке. Она была не последней фигурой среди парковых проституток и имела возможность выбирать клиентов, а не хвататься за первого попавшегося. И выбирала поинтеллигентнее, тех, с кем можно было поговорить после того, как они утолят свой первый сексуальный голод. Ей нравилось разговаривать с уставшими от ее тела мужчинами, в этом была своя прелесть, хоть как-то скрашивавшая ее «рабочие» будни и дававшая ей внутреннюю уверенность в том, что она не опустится до уровня дешевой шлюхи.

Вера не могла бы сказать, что в лице этого мужчины было что-то особенное, таких лиц можно встретить в Москве сотни, пройдя всего пару кварталов по Тверской.

Ничем не примечательное лицо, если бы не глаза. Человеку с такими глазами очень трудно придумать профессию, он не может быть ни вузовским преподавателем, ни артистом театра, ни рабочим, ни челноком, ни милиционером, ни летчиком, ни водителем, ни... Короче, ни одной из профессий обыкновенной мирной жизни эти глаза не соответствовали. В них был вызов всем, на кого они смотрели, и в то же время ответ на любой вызов. Очень странные глаза, от которых веяло холодом и которые преображали это рядовое лицо, придавая ему неповторимую индивидуальность.

Она пропустила момент, когда он открыл глаза, и опомнилась, только уже встретившись с ним взглядом. Отступить было поздно, и она не отвела свой взгляд.

Его лицо мгновенно сковало напряжение. Рука, засунутая в карман джинсовой куртки, шевельнулась, словно он держал там камень, которым собирался размоzzить голову всякому, кто косо на него посмотрит. Вторая рука, вцепившаяся в край сиденья, напряглась так, что пальцы побелели.

«А ведь он, похоже, меня боится! – весело подумала Вера. – Интересно! Что же во мне такого страшного для мужчины? Мы же не в постели, в конце концов!»

В постели она часто мужчин если не пугала, то вызывала у них как минимум оторопь своей энергией и ненасытной плотской жадой. Она сама долго не могла понять, как это у нее получается и сочетается с полным отсутствием физиологического желания к конкретному человеку, пока не сообразила, что все дело как раз в том, что она в постели конкретного-то мужика и не видит. Она просто каждый раз ложилась с кем-то в постель, представляя, что встретила идеальное воплощение своего представления о мужчине. И не видела в упор того, кто в реальности прикасался к ее телу.

Это был фактически театр одной актрисы с участием статистов, которые каждый раз менялись и на которых она не обращала внимания. От них требовалось только одно – наличие внешних половых органов, не больше. Всю внутреннюю, психологическую работу над женщиной, которую мужчина должен проделывать в постели, Вера выполняла сама в своем воображении. Это и рождало в ней неумемную энергию, такую же по сути искусственную, как и ее представления об идеальном мужчине. Она знала, что его на самом деле не существует, но верить в это не хотела.

Так и этот скорее всего окажется в постели или неуверенным рохлей, кончающим прежде, чем она удовлетворит свою первую жажду, или грубым солдафоном, которого интересует только дырка у нее между ног, куда он сможет пристроить свой деревянный негнувшийся кол и минуту-другую подергаться на ней, считая себя сексуальным гигантом. Для таких у нее всегда имеется сюрприз – после того как он кончит, она берет инициативу в свои руки и трахает этого солдафона до тех пор, пока тот не начинает просить пощады, как ни трудно ему признать, что она оказалась сильнее его.

Вера даже рассмеялась, подумав о том, с каким испугом будет смотреть на нее этот мужик, если она хорошенько на нем поездит в постели, и ей пришлось закрыть лицо раскрытой книгой.

Но улыбка тут же сползла с ее лица: она вспомнила его глаза и вдруг поняла, у кого она видела этот взгляд.

Глава 2

Точно такой же взгляд был у ее матери, когда ту едва откачал после передозировки знакомый врач. Вера по неопытности всадила ей слишком большую дозу и, когда поняла, что ошиблась, бросилась звонить Роману Израилевичу. Его она помнила с детства, он приходил к матери постоянно по пятницам и приносил постепенно подрастающей Верке сначала шоколадки, потом торты, потом духи, потом трусики и бюстгальтеры, а в последние свои визиты – только презервативы, остальное Верка брала с него деньгами, потому что он стал уже ее клиентом, а не материным.

Позже, когда она попыталась бросить ремесло, Роман Израилевич пропал, очевидно, нашел себе другую постоянную «малышку», как он выражался. Но он был врачом, а кроме того – просто хорошим человеком и никогда не отказывал старым друзьям в помощи.

Мать он откачал. Но ее взгляд, в котором ясно читалось знание того, чего Вера знать не только не могла, но даже боялась, она запомнила на всю жизнь. Это был взгляд женщины, побывавшей за чертой, отделяющей жизнь от смерти. Мать видела смерть и рассказала о ней дочери своим взглядом. Смерть заполняла ее глаза до краев и сочилась из них, как слеза. На такие глаза хочется положить ладонь и закрыть их, чтобы не видеть того, что человек видит один раз в жизни – перед тем, как умереть.

И еще Вера хорошо помнила, что долго не решалась посмотреть на себя в зеркало, боясь увидеть и в своих глазах тень того, что она увидела в глазах матери, – пустоту, притягивающую к себе все и не выпускающую обратно ничего. Глаза живого человека всегда что-то говорят, излучают какой-то свет, хотя бы очень тусклый. Глаза матери в тот день только вбирали в себя окружающее пространство. Это были две черные воронки, засасывающие в себя окружающий мир, чтобы унести его за черту.

Мужчина, сидящий напротив, смотрел точно так же – черными дырами, в которых Вера могла утонуть, если бы смотрела в них долго.

Но ей не было страшно. Еще полгода назад она шарахнулась бы от него, как от прокаженного, и постаралась бы даже из памяти выбросить этот взгляд, как воплощение ночного кошмара.

Вера поняла только одно – рядом с этим мужчиной была смерть. Она не могла еще понять, его эта смерть была или тех людей, которые ему встречались. Но она хорошо поняла, почему он ее заинтересовал и почему она не поехала сразу к матери, а пошла за ним.

Смерть была постоянным вопросом, который занимал ее мысли в последние месяцы. Смерть жила в ее квартире и стояла на пороге той комнаты, в которой лежала ее мать. И каждый раз, вводя той наркотик в вену, Вера чувствовала на своем лице ледяное, завораживающее дыхание.

Этот мужчина, глаза которого уже вновь были прикрыты, знал о смерти многое. И Вера твердо решила, что теперь не отпустит его, чего бы ей это ни стоило. Она уведет его с собой. Он нужен ей. Для чего, она не знала точно, но чувствовала, что нужен. И она ему тоже нужна. Она поможет ему преодолеть ту страшную усталость, которая сковала его лицо в неподвижную, безжизненную маску. Она даст ему себя. Не как женщину – женщин в его жизни, похоже, не существует. Женщина – это жизнь, как ни банально это звучит. А этот человек слишком далек от жизни, чтобы она представляла для него хоть малейшую ценность. Ему нужен только покой. А где еще мужчина находит покой, как не в женском теле?

«Я не буду торопить события, – решала Вера. – Все решит он сам. Проснется после „Октябрьской“ – увезу его к себе, в Ховрино. Если раньше – к матери...»

Она даже мысли не допускала, что он не поедет с ней, захочет проявить свою волю и решить ситуацию по-своему. Она должна его увезти с собой, и она его увезет. Вера чувство-

вала, что сейчас с ней произошло одно из самых важных событий, из тех, что случаются за всю жизнь лишь пару раз, а то и однажды. Не воспользоваться таким шансом, который предоставила ей судьба, было равносильно преступлению перед своей собственной жизнью.

Она почувствовала его взгляд, когда поезд метро уже тормозил у станции «Октябрьская». Этот мужчина сам решил свою судьбу!

Мимо окон проплывали выложенные мрамором колонны. Двери зашипели и открылись.

– Станция «Октябрьская». Переход на Калужско-Рижскую линию.

– Вы нашли не лучшее место для отдыха, – сказала она, глядя ему прямо в глаза и не боясь сквозящей из них черной пустоты.

– Лучше найти не смог, – глухо ответил он.

Просьба о помощи ясно прозвучала в его ответе, и Вера почувствовала, что не ошиблась, что все правильно поняла в этом человеке. Может быть, он и сам не понял, что он только что сказал, но это и не важно. Мужчины часто многого не понимают, когда разговаривают с женщинами. Потому что те умеют понимать без слов, понимать и говорить то, что словами даже и не выговоришь, тем более что вряд ли в лексиконе этого человека вообще существует слово «помощь». Этого слова не знают многие мужчины, зато знают практически все женщины.

Вера встала со своего места.

– Пошли! – сказала она. – Я помогу вам найти такое место.

Они вышли из вагона и смешались с толпой спешащих к эскалатору пассажиров. Мужчина двигался чуть сзади Веры, и она постоянно чувствовала на себе его взгляд, словно шла под прицелом. Это было немножко неприятно, но особой опасности она не ощущала. Этот человек сам решил с ней идти, и, значит, от него не следует ждать никаких сюрпризов. Он понял, что Вера не опасна для него, что она его союзник. Если он, конечно, вообще знает, что такое союзник.

Вера не оглядывалась, но была уверена, что он следует за ней, – спину слегка покалывал его взгляд. Изредка она краем глаза улавливала его фигуру за своей спиной и убеждалась, что не ошибается.

На эскалаторе она стала так, чтобы ей, если скосить глаза, был виден его профиль, и отметила напряжение, с которым он бросал взгляды то в одну, то в другую сторону.

Он резко сунул руку в карман, и Вера заметила, что мужчина впился глазами в высокого негра, который ехал на соседнем эскалаторе, движущемся тоже вверх.

Нервы! Он, наверное, уже на грани. Его нужно как можно скорее притащить домой и скрыть от этого множества глаз, которые вызывают его раздражение.

Мужчина немного успокоился, перестал сверлить негра глазами и вытащил руку из кармана. Негр смотрел вовсе не на него, он продолжал откровенно рассматривать в упор стоящую на эскалаторе ступенькой выше мужчины Веру.

«Что у него в кармане? – мельком подумала Вера. – Нож? Он что же, глотки собрался всем резать, кто на него посмотрит?»

Вера вдруг почувствовала руку на своем бедре.

Она спокойно обернулась и посмотрела на стоящего сзади мужчину с улыбкой.

– Так вы, оказывается, не спите? – сказала она. – А то я хотела уже удивиться вашей способности спать на ходу. Я живу совсем рядом, мы дойдем за две минуты. Поверьте, лежа спать гораздо удобнее...

На выходе из метро Вера увидела себя в большом зеркале, которое занимало всю поверхность стены. Людской поток, прежде чем вынести ее на Большую Якиманку, направлялся прямо к этому зеркалу и разделялся на два ручья, каждый из которых находил свой выход. Вера увидела свое отражение и чуть сзади – лицо следующего за ней мужчины. Она попыталась посмотреть на себя его глазами, представить себя так, как видит ее он.

У Веры была не идеальная фигура, если говорить об эталонах, на которые ориентируются участницы конкурсов красоты. Она была чуть полновата, но ее это нисколько не расстраивало, поскольку Вера знала, что некоторый излишек полноты делает ее еще более привлекательной для мужчин. Полнота идеально сочеталась с подчеркивающими ее женственность округлыми плечами. Крутые и упругие бедра контрастировали с ярко выраженной талией.

Вера хорошо знала, что *в женской фигуре особенно привлекает мужчин*, и поэтому специально носила узкие обтягивающие юбки, нисколько не скрывающие упругость и подвижность ягодиц, выставляя напоказ свою открытую сексуальность. У нее это получалось нисколько не вульгарно.

Однако взгляд человека, который смотрел на ее отражение в зеркале поверх ее плеча, был тусклым, в нем не видно было того огня, который рождало в мужчинах ее тело. Он словно прятал взгляд, старался его погасить, преградить для женских глаз путь внутрь него, опасаясь впустить их глубже, чем считал для себя безопасным. То ли ненависть к женщинам, то ли боязнь можно было если не прочитать, то без труда угадать в его взгляде.

Большая Якиманка встретила их шумом и пестротой замелькавшего перед глазами потока машин. Рев и гудение проносившихся мимо автомобилей явно беспокоили мужчину, который вышел вслед за Верой на улицу. Автомобили вобрали в себя все его внимание, заставив забыть о девушке, обещавшей ему помочь. Он словно оглох и ослеп. Вера сразу почувствовала это и осторожно взяла его за руку, отчего он вздрогнул и, не переставая судорожно оглядываться по сторонам, дал перевести себя на противоположную сторону.

Вера чувствовала, что она сейчас фактически не существует для него, он действует как робот, как запрограммированный автомат, который решил принять ее помощь, но сам двигаться не может из-за сильной перегрузки. Он фактически шел один, она как бы и не существовала сейчас для него, он лишь разрешал ей направлять свое движение. Вера лишней раз убедилась, что была права, когда увидела в лице этого человека смертельную усталость. Ему необходимо было отдохнуть, восстановить свои силы, возможно, на это потребуется не час и не два, а сутки или даже несколько.

Держа его за руку, Вера углубилась в квартал между Большой Якиманкой и Крымским Валом, автономное городское пространство, в малолюдных дворах которого было гораздо спокойнее, чем на большой московской магистрали.

Вера заметила, что мужчина немного пришел в себя. Он, кажется, понимал теперь, что идет туда, куда она его ведет, и, похоже, верил ей, что это место окажется безопасным для него.

Около подъезда шестнадцатизэтажного дома Вера в нерешительности остановилась.

– Здесь... – сказала она, боясь, что он сейчас откажется подниматься в квартиру.

Но он проявил решительность, едва ли не впервые с того момента, как она его увидела. Мужчина взял ее за руку и сам направился к подъезду.

Едва только они вошли в квартиру, как тут же из комнаты донесся хриловатый свистящий голос матери:

– Верка пришла. Давай скорее, не могу больше ждать. Не могу больше терпеть. Все болит, все нутро! Долго ходишь.

Последовала небольшая пауза, потом упавший до шепота голос зашелестел по квартире опять:

– Мужика привела? Не можешь подождать, пока мать сдохнет! Укол мне сделай, сучка! Болит, терпеть не могу. Подожди, отмучаюсь скоро, освобожу тебя...

Голос внезапно перешел в хриплый крик:

– Уколи меня, гадина! Не терзай!

Вера молча показала мужчине, чтобы он проходил в другую комнату, мимо двери, из которой кричала мать. Сама она отправилась на кухню, нужно было прокипятить шприц, раз-

вести наркотик. Из кухни ей было видно, как мужчина сделал несколько осторожных шагов по коридору и заглянул в приоткрытую дверь комнаты, в которой лежала ее мать.

Поджидая, когда закипит вода в кастрюльке, в которой она всегда кипятила шприц, Вера прислушивалась к звукам, доносящимся из комнаты матери. Она знала, что та лежит сейчас, уставившись взглядом в потолок, на кровати, тумбочка рядом с которой уставлена пузырьками с лекарствами, грязными тарелками, пустыми бутылками из-под минералки, грязными клочками ваты и обрывками бинта. Вере всегда было трудно заставить себя убираться в ее комнате. Когда она делала там уборку, ей казалось, что она готовит мать к смерти. Убирая комнату, протирая пыль и моя полы, Вера не могла отделаться от мысли, что она словно саму мать обмывает перед тем, как положить ее в гроб.

– Хочешь Верку драть? – донесся до нее вновь голос матери. – А деньги у тебя есть? Она по любви не дает. Ты халяву здесь не ищи. За все платить нужно. Веркино тело дорогое, но ты денег не жалея, она девка сладкая... В ту комнату проходи, она там работает. А ко мне дверь закрой, чтобы я не слышала, не завидовала...

«Старая, выжившая из ума дура! – подумала Верка о матери. – Завидует она! Сгнила уже наполовину, а никак про мужиков забыть не может... Что он там застрял? Проходил бы скорей в комнату да ложился, сам же едва на ногах стоит!»

Вера услышала, что мужчина вернулся в коридор к входной двери. Выглянув из кухни, она увидела: он роется в ее сумочке, но этонисколько ее не обеспокоило, она каким-то чутьем улавливала логику его поступков. Так и есть – он нашел ключи от квартиры, запер дверь еще на один замок и только после этого направился в спальню. Почти все пространство в ней занимала громадная кровать, прослужившая многие годы еще матери, которая принимала порой на ней по трое клиентов одновременно. Когда Верка вошла в силу и приобрела в Парке популярность, ее мать очень быстро сдала, а кровать стала теперь уже Веркиным рабочим местом.

Глава 3

...Сделав матери укол, Вера положила шприц на тумбочку и впервые за сегодняшний день подумала о том, как она устала от того, что смерть матери все никак не наступит. Все эти попытки продлить ее полумертвое существование были настолько бессмысленны, что в последние недели ничего у Веры, кроме недоумения, не вызывали. Она не понимала, зачем прикладывает столько усилий, чтобы не дать матери погрузиться в небытие? Это был бы самый лучший вариант и для нее, и для дочери тоже...

Мать постоянно доставала ее своими обидами и упреками. Ей казалось, что Вера бросает ее одну специально, чтобы помучать и отомстить за что-то. Мать постоянно обвиняла ее в жестокости и равнодушии, в том, что Верка гоняется за мужиками и бросает ее одну подыхать в пустой квартире. Но мать была не права. Вера всегда помнила о ней, не в силах ни на секунду избавиться от ее незримого присутствия. Даже если бы у нее было такое желание, ей не удалось бы забыть о матери. Даже во время работы с клиентом Вера чувствовала присутствие матери.

Забуть о матери не было возможности еще и потому, что всем, что Верка умела в постели, она была обязана матери. Мать была ее единственной и очень талантливой учительницей. Свой опыт мать передавала ей годами, вовсе не стремясь сознательно подготовить себе смену, все получалось само собой. Профессиональный опыт матери сам нашел восприимчиву в лице дочери.

Конечно, Верка уже в двенадцать лет, когда, собственно, все это и началось, уже хорошо знала, что в женщинах привлекает мужчин и чем занимается мать в своей комнате, когда приводит домой очередного незнакомого мужика. Но это было лишь поверхностное знание. Она словно просмотрела картинку в книжке, но прочитать ее пока не успела.

Мать чаще всего работала не дома, возвращалась утром, вдребезги пьяная, и маленькой Верке, которую она будила, приходилось выслушивать ее пьяные жалобы на усталость и неумолимо приближающуюся старость. Старость была главным врагом ее матери, с ужасом отмечавшей с каждым годом, как время разрушает ее красоту и здоровье, уничтожая главное орудие ее труда – прекрасное холеное тело. Мать плакала и утыкалась Верке носом в колени, а той ничего не оставалось делать, как успокаивать ее, поглаживая по голове, и говорить слова, в которые она искренне верила: ее мама – самая лучшая, самая красивая женщина на всем свете.

Мать напивалась чаще всего до такого состояния, что сама не могла ни раздеться, ни помыться, и Верка принималась ухаживать за ней, словно за ребенком. Она стаскивала с нее платье, снимала белье и тащила в душ, где сажала в ванну и мыла ее уставшее от работы тело.

Тело было главной ценностью, которой владела ее мать. Тело было рабочим инструментом, которым мать научилась пользоваться в совершенстве и знала все его особенности и возможности. Ее можно было бы сравнить с талантливым механиком, который знает устройство машины до последнего винтика и понимает, почему этот винтик необходим в механизме и какую роль в нем выполняет. И в то же время она могла управлять своим телом, как автогонщик-виртуоз управляет своим автомобилем, чувствовала, что оно может и что она сама может из него выжать при необходимости. Тело было ее золотым прииском, приносящим ей золотые самородки, на которые было приобретено все в ее жизни – все, что она сумела купить за годы интенсивной эксплуатации своего тела.

Эксплуатируя свое тело пятнадцать лет, мать прекрасно понимала его значение в своей жизни, да и вообще – значение тела в жизни женщины.

Привычная для нее жизнь была на исходе, она знала это и сильно от этого страдала. До тридцати ей удавалось не только держать себя в прекрасной форме, но даже улучшать эту форму из года в год, совершенствовать свой имидж, повышать социальный статус своих клиентов.

Но предел был достигнут.

Дальше была дорога только вниз. Сначала в уровне клиентов.

Что ей предстояло?

Путь от директоров крупных предприятий, партийных секретарей и директоров лучших московских магазинов до лоточников и инженеров, месяцами не получающих зарплату? А закончилось бы это московскими «синяками» и алкоголиками, норовящими трахнуть тебя за полстакана дешевого портвейна, а то и просто за спасибо, за пустую бутылку?

Потом – во всем остальном. В уровне жизни, уровне самоощущения.

Ей удалось купить в Москве роскошную квартиру, обставить свою жизнь всевозможными удобствами вроде прекрасной мебели, чудесной бытовой техники, вкусной еды и красивой одежды, но не больше.

Скопить капитал, о чем она мечтала ежедневно последние лет пять-семь, не удалось.

Виною были наркотики, к которым она привыкала все больше и больше. С каждым годом ей все труднее удавалось держаться, чтобы не сползти в полную наркотическую зависимость, чего она очень боялась. Приходилось больше пить, алкоголь хоть на время помогал забывать о приближающейся старости и не метаться в поисках дозы, желая уйти от страха перед старостью и смертью.

Короче, проблем у нее тогда было не меньше, чем клиентов памятным летом восьмидесятого, во время московской Олимпиады.

Это было золотое время, в буквальном смысле этого слова. Московские менты выловили и вывезли из Москвы за сто первый километр большинство активно действующих проституток, но тем самым создали лишь дополнительные проблемы страждущим мужикам-спортсменам со всего мира.

А кроме того – идеальные условия работы для тех путан, кто ускользнул из милицейской сети.

Вериной матери повезло – она тогда только что вернулась в Москву из Швейцарии, где полгода лечила маленькую Верку от малокровия, в Москве ее из-за долгого отсутствия подзабыли, и она ускользнула от внимания московской полиции нравов, проводившей накануне Олимпиады санитарно-профилактическую чистку.

Из-за искусственно созданного властями дефицита цены на женские тела взлетели фантастически. В бой за доллары ринулась целая армия дебутанток, большинство из которых по профессиональному уровню не стоили и тогдашнего советского рубля.

Она пользовалась бешеной популярностью, поскольку продавала за деньги не тело, а общение с женщиной. С настоящей женщиной.

Олимпиада-80 в Москве была вдвойне праздником. Не только для спортсменов, но и для оставшихся в Москве проституток.

Во-первых, ей всего за месяц удалось заработать такие деньги, о которых она просто и мечтать не могла. При огромной цене именно на нее каждый день у нее был расписан на неделю вперед. За день приходилось принимать до двадцати человек, уделяя каждому не больше часа и хоть немного времени отводя на сон, чтобы чуть-чуть отдохнуть и не потерять форму и товарный вид.

Она столько работала, что после Олимпиады, стоило только мысленно представить мужской член, как на нее накатывала волна какой-то дурноты, словно на пятом месяце беременности, а низ живота наливался свинцом, и каждое движение бедрами отзывалось в нем острой болью усталости, физиологического пресыщения.

Но зато после Олимпиады у нее, наконец, появилась в Москве приличная квартира.

Мать ничего не могла дать дочери, кроме тайн своей профессии, и она щедро делилась ими с Веркой, когда та мыла ее в ванной. Мать чувствовала огромную благодарность к дочери

за эту ее искреннюю помощь, продиктованную любовью, и выкладывала ей все свои ценности как плату за любовь дочери.

Верка рано узнала от матери о скрытых прежде от нее тайных пружинах взаимоотношений мужчины и женщины. Мать с подлинным вдохновением рассказывала ей о том, как ее тело реагирует на мужскую ласку и что она в этот момент испытывает.

Мать иногда жалела о своей пьяной откровенности, особенно когда наутро трезвела. Но у нее никогда не было склонности к ханжеству. Каждый человек стремится к сохранению того, что составляет для него главную ценность в жизни. Веркина мать больше всего дорожила своим телом. Она чувствовала, что обязана передать Верке как можно больше тайн своей профессии, оставить ей наследство, которое сможет обеспечить жизнь дочери.

Засыпать одна мать тоже не умела, она укладывала Верку с собой и разговаривала с ней, не в силах закрыть глаза, потому что на нее тотчас наваливалась тошнота, все начинало кружиться, а сама она срывалась в бездонную пропасть, в которую летела, кружась и кувыркаясь. Она хваталась за Веркины руки, открывала глаза и начинала говорить о самом важном для себя и, как она считала, для Верки тоже, поскольку Верка тоже будущая женщина.

Только поначалу Верку пугали материны пьяные приходы, и она закатывала той истерики и заходила в рыданиях. Она очень скоро привыкла и доверилась матери, чувствуя, что та искренне хочет ей добра. Утренние сеансы по передаче сексуального опыта и обучению сексуальному мастерству очень скоро стали привычной школой, каждый урок в которой перестал быть психологической сенсацией для Верки, это стало обыденностью и даже обязанностью. Это стало просто жизнью.

Своего первого клиента Верка перехватила у матери. Однажды та напилась так, что не смогла добраться до дома самостоятельно. Ее привел столь же пьяный толстячок, ее постоянный клиент. На ногах он тоже едва держался и остался пить кофе, чтобы хоть чуть-чуть привести себя в порядок. Пока Верка укладывала мать и слушала ее откровения, она сама настолько возбудилась, что тут же захотела применить полученные только что от матери знания на практике и без труда завела толстячка, наповал сразив его напором брызжущей из нее сексуальности.

Наутро она похвасталась матери первым заработанным ею червонцем, чем вызвала сначала материны слезы, а потом – подробный «разбор полета». Мать считала своим долгом подсказать дочери все ошибки, которые та допустила, чтобы в следующий раз она могла их избежать. В том, что следующий раз наступит очень скоро, она не сомневалась. И не ошиблась. С тринадцати лет Верка начала заниматься проституцией более-менее регулярно. Мать была довольна дочерью, видя, как та идет по ее стопам.

Но Верка шла не совсем по проложенному матерью пути. Она не так зависела от денег, как ее мать, не в такой степени боялась жизни. Да и такой физиологической зависимости от потребностей своего тела, как у матери, у нее тоже не было. Верка так и не смогла впитать материно ощущение жизни как огромной единой постели, на которой происходят все наиболее главные события. Она быстро заскучала, едва только было удовлетворено ее детское любопытство, подогретое рассказами матери. Для нее в этом не было уже открытия. Это было лишь подтверждением тех открытий, которые приходили к ней от матери. Лишь доказательства ее правоты. Поэтому Верка и не впала в столь полную зависимость от физиологии, как ее мать.

Для Верки деньги составляли гораздо большую ценность, чем для ее матери. Она оказалась намного прагматичнее и расчетливее матери. Верка очень быстро поняла, насколько наличие денег лучше их отсутствия, и сделала самый естественный вывод: чтобы деньги были всегда, нужно их копить. Для нее это не представляло особой сложности – на все, что ей было необходимо, зарабатывала мать. Верка начала откладывать уже первые свои заработки, умудряясь иногда даже у матери из сумочки стянуть сотню-другую долларов. Мать слишком много денег тратила на выпивку, а то и просто теряла их по пьянке...

Глава 4

Верка успела скопить неплохую сумму до того, как мать окончательно села на иглу и ее доходы резко пошли под гору. Верка недолго думала, как распорядиться деньгами. Жизнь с матерью давно стала тяготить ее, и она без колебаний купила себе квартиру. Конечно, на квартиру в центре у нее средств не хватило, но она и не стремилась в самый центр, ее вполне устроила квартира в значительно более спокойном по сравнению с центром Ховрине.

Мать еще продолжала работать, хотя ясно было, что долго она не протянет и скоро сляжет. Верка постаралась использовать оставшееся у нее время наиболее эффективно. Она уменьшила время своих сеансов и увеличила количество клиентов, которых принимала за день, а заодно присматривалась к ним, поскольку в голове у нее родилась неплохая идея – обеспечить свою жизнь хотя бы в минимальной степени, чтобы, как мать, не зависеть от того, на сколько лет ты выглядишь в тридцать, на сколько в сорок и так далее.

Ей удалось раскрутить одного из клиентов на то, чтобы он помог ей купить контрольный пакет небольшой фирмы. Она вложила почти все свои деньги в фирму, которая занималась ремонтом каких-то бытовых агрегатов. Верка очень мало вникала в подробности, ее интересовало лишь, чтобы ей регулярно выплачивали процент ее прибыли. Клиент, который помог ей проверить эту сделку, утверждал, что рынок бытовых услуг – самый стабильный из всех и никогда не будет сокращаться, хотя бы потому, что количество бытовой техники у населения постоянно растет и со временем она обязательно приходит в негодность и требует ремонта.

Все это обещало Верке стабильность существования и независимость от работоспособности своего тела.

Она не стремилась к тому, чтобы получить от своих денег как можно больше, гораздо важнее для нее была стабильность дохода. Она нашла правильный тон поведения с сотрудниками фирмы, подыскала для нее директора, которому, как ей показалось, она могла доверять, и поставила единственное условие – выплачивать ей определенную сумму прибыли, остальное можно использовать на развитие и заработную плату. Условия коллектив и директора вполне устроили.

Поэтому в самой фирме она появлялась чрезвычайно редко, только когда ее присутствие было необходимо для решения каких-то вопросов, относящихся к компетенции учредителей. Все ее руководство сводилось к тому, что она ставила подпись под тем документом, который подсовывал ей директор. Деньги ей перечисляли на счет в банке постоянно, Вера не испытывала по этому вопросу никакого беспокойства.

Вера превратилась в типичную московскую женщину – свободную и независимую, удовлетворенную своей жизнью и внешностью, лишенную комплексов и держащую в тайне, откуда у нее взялись деньги. Впрочем, москвичи никогда не задают таких вопросов в лоб, поскольку почти у каждого есть какие-то свои секреты, обнародовать которые он не собирается. Это называется тайна происхождения первоначального капитала, одна из наиболее ревностно охраняемых тайн.

В Ховрине никто не знал, что Верка проститутка. Она не заводила там тесных знакомств с соседями, не рассказывала о себе почти ничего. Кто-то был уверен, что она работает секретаршей директора крупной фирмы, кто-то считал ее менеджером рекламного агентства, кто-то принимал за содержанку удачливого бизнесмена. Вера не разрушала ни одну из этих легенд, никому не открывая правды. Ее вполне устраивало то уважение, с которым относились к ней все, кто в эти легенды верил.

И только там, где прошло ее детство и первые годы работы, в Парке, ее социальный имидж не изменился. Как была она «Веркой из парка», проституткой, дочерью проститутки, так ею и осталась. Это было уже навечно, до самой смерти.

Очень скоро ежедневная доза стала для ее матери жизненной необходимостью. Клиенты исчезли, а вместе с ними исчез и стимул держаться за жизнь. Она сдавала на глазах и за пару недель довела себя до того, что уже перестала выходить из дома. Все проблемы по приобретению наркотиков легли на Веру, которая, как ни брыкалась, отказать матери не могла, особенно видя, как ее корчит без очередной дозы. Мать попала в полную зависимость от Веры, и это ее страшно раздражало, а когда она слегла окончательно, раздражение перешло в ненависть. Руки дрожали, она не могла попасть себе в вену, и Верке приходилось ее колоть. В Верке для матери сконцентрировалось теперь все, что она ненавидела в жизни. Верка была молода и могла работать еще долгие годы. Мать невольно сравнивала себя с ней, и это приводило ее в бешенство.

Вера отвечала ей взаимностью. Не доходя до ненависти, она прочно держалась в состоянии раздражения, которое возникало при одной мысли о матери. Раздражение вызвано было многими причинами, но главная из них была та, что содержание матери требовало теперь расходов и они все возрастали по мере того, как у матери увеличивалась доза. Той прибыли, которую приносила фирма, перестало хватать. Пришлось возвращаться в Парк и водить клиентов в квартиру матери. Но откладывать деньги теперь уже не получалось.

Мать тащила ее за собой, заставляя повторять свою судьбу. Веру это не столько пугало, сколько вызывало у нее отчаянную скуку. У нее все чаще возникало желание предоставить мать самой себе, забыть о ней на пару недель и приехать тогда, когда все уже будет кончено. Но решиться на это она не могла и продолжала приходить каждый день, менять изгаженную постель, обмывать преющее тело и делать ей уколы в вены, на которых уже не осталось живого места. А кроме того, приходилось еще мотаться по Москве в поисках героина, и это отнимало не только кучу денег, но и огромное количество времени.

Может быть, и лучше было бы покончить с этими мучениями сразу, облегчив свою жизнь и фактически выполнив желание матери, в глазах которой она все чаще читала мысль о смерти, но Вера продолжала поддерживать в матери угасающую жизнь, боясь сделать необратимый шаг. Что-то удерживало ее от такого шага, хотя она и не могла бы объяснить самой себе, что именно.

Вера привыкла к странному сочетанию любви и ненависти, которое она испытывала к матери, и не могла теперь решиться разрушить его, боясь, что останется одно страдание. И она вновь и вновь возвращалась в квартиру матери, выслушивала ее стоны и проклятья и окуналась в ее ненависть ко всему миру и к ней самой, поскольку стала заменять для матери весь мир.

Героин неумолимо делал свое дело – убивал мать и разрушал Верин достаток, съедал большую часть ее бюджета. Долго так продолжаться не могло. Сделав укол матери, Вера с двойственным чувством смотрела, как у той по иссохшему лицу расплывается блаженная улыбка, и ей хотелось вновь набрать в шприц наркотик и сделать еще один укол, после которого мать больше не очнется. Но чувство родства с этим полутрупом сковывало ей руки словно стальными наручниками, мать была какой-то частью ее самой, и убийство матери стало бы для Веры самоубийством.

Вера прекрасно помнила рассказы матери о мужчинах и о том, каким должен быть настоящий мужчина, которых мать, по ее словам, перевидала за годы своей работы в Москве немало, но который Вере так ни разу и не встретился. Это было еще одним постоянным источником ее душевного дискомфорта. Не верить матери в том, что такие мужчины существуют, Вера не могла. Мать была для нее непререкаемым авторитетом во всем, что касалось взаимоотношений мужчин и женщин. Но и поверить в то, что такой мужчина не встретился ей до сих пор по чистой случайности, Вера тоже не могла, она чувствовала, что это было бы самообманом. И она терзала себя мыслями о том, что она какая-то неправильная женщина, что в ней есть какой-то дефект, из-за которого настоящие мужчины ее избегают, и ей приходится довольствоваться тем, что есть, закрывая в постели глаза и представляя, что она в руках того самого, истинного мужчины, который не раз являлся ей в воображении.

И тогда она чувствовала себя настоящей женщиной, частью идеальной пары. Она в какие-то моменты понимала даже, что такое любовь к мужчине. Но только до тех пор, пока опьянение обманом не проходило и она не осознавала, что лежит в постели с очередным слабым и жалким существом, которое лишь номинально может называться мужчиной. Ей встречались лишь самцы, а не вожаки, лишь солдаты, а не генералы, и она склонна была винить в этом саму себя.

Ее угнетала мысль о том, что она не сможет пережить тех мгновений, которые когда-то переживала ее мать в руках настоящего мужчины, не сможет довериться ему и почувствовать себя слабой и маленькой, не сможет отказаться от того, чтобы вновь одержать верх над мужчиной и не заставить его подчиниться ее воле. Это рождало в ней ощущение собственной неполноценности, и Вера жестоко страдала от этого ощущения. В такие моменты желание убить мать становилось настолько сильным, что Вера едва сдерживалась, чтобы не осуществить его. Она просто оставляла мать и уходила из квартиры, чтобы не поддаваться искушению.

...Когда успокоенная героиней мать перестала стонать, Вера вздохнула и поднялась со стоящего рядом с ее кроватью стула. Бессвязное бормотание начало затихать, мать вот-вот должна была заснуть.

«Хоть бы ты заснула навсегда! – подумала Вера. – Сколько можно меня мучить?»

Она поправила одеяло на груди матери и решила, что можно отдохнуть и ей. Она сидела возле матери уже минут десять, столько же готовила укол, за все это время из соседней комнаты до нее не донеслось ни звука. Мужчина, которого она привела с собой в эту квартиру, наверняка уже спал.

Вера чувствовала волнение, едва начинала о нем думать. Она была уверена, что его появление означает изменение в ее жизни. До этого момента жизнь шла по накатанной колее, словно катилась по рельсам, проложенным кем-то заранее, кем-то, кто давно рассчитал Верину жизнь и лишь толкал ее в нужном направлении. От нее самой словно ничего и не зависело.

Сегодня она сделала поступок, который может, нет, который должен будет изменить ее жизнь. Она не знала, что именно произойдет, но что-то обязательно должно было произойти. Что-то, что сделает ее свободной и даст ей возможность самой решать, как ей жить дальше. И это будет связано с тем человеком, который спал сейчас в соседней комнате.

У Веры появилось ощущение, что она видит сквозь стену, настолько ясно она представила лежащего на ее кровати мужчину, который, как она представляла, заснул одетым.

Войдя в свою спальню, она улыбнулась, оттого что совершенно точно угадала даже позу, в которой он лежал, – не раздевшись, в своей джинсовой куртке, одна рука лежит на груди, вторая так и осталась засунутой в карман, словно он ее оттуда вообще никогда не вынимает.

– Одежками спят только бомжи! – заявила Вера спящему мужчине и начала расстегивать его куртку. – Кто же так отдыхает?

Она даже не подумала о том, что он может проснуться, настолько крепко он спал. Вера долго пыталась вытащить из кармана куртки его руку и, вытащив наконец, без всякого удивления обнаружила в ней пистолет. У такого мужчины, как он, обязательно должно было быть оружие.

Однако разжать сжимающую рукоятку пистолета ладонь ей не удалось, пальцы не хотели разгибаться и выпускать оружие. Хорошо, обшлага рукавов были на пуговицах, и ей удалось, стащив куртку с его плеч, протащить пистолет через рукав.

Куртка показалась ей чрезвычайно тяжелой. Она без всякого смущения исследовала ее карманы и обнаружила в них еще два пистолета, и уж тут-то она немало удивилась. В ее представлении пистолет ассоциировался с образом настоящего мужчины, одного из тех, о ком рассказывала когда-то ее мать. Но сразу три пистолета! В этом было что-то избыточное, ненатуральное.

Это была загадка, над которой Вера даже не стала ломать голову, поскольку знала, что не сумеет ее разгадать. Как слово на незнакомом языке – его можно прочесть и даже написать самой, но что оно означает, понять все равно не удастся до тех пор, пока не найдешь его в словаре.

Но при виде пистолетов ощущение близких перемен в жизни усилилось. Мало того, Вере даже показалось, что она поняла, как строится ближайшее будущее человека, каким образом складывается его жизнь. Вот у этого мужчины всего три пистолета. Но два лежали в кармане, а один он сжимает в ладони и не выпускает из рук. Почему именно этот? Вере показалось, что пистолеты имеют символический смысл – от того, какой именно держит в руках этот мужчина, зависит, как сложится его жизнь. Странно, но Вера подумала не только о его жизни, но и о своей. И ее жизнь тоже сложится тем или иным образом, в зависимости от этого выбора.

Вера живо представила себя на развилке, стоящей, словно всем известный витязь, перед уходящими в разные стороны четырьмя дорогами. Она должна решить, по какой из них продолжить свой путь.

Нет! Главное не в том, что она должна решить. Главное – она может это решить, у нее есть возможность решить! А какой из путей она выберет, по какому из четырех вариантов сложится ее жизнь, это даже не важно, поскольку она все равно не знает, чем эти варианты оканчиваются. Камня, на котором высечены слова-подсказки, как перед витязем, перед ней нет: «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – совсем пропадешь...»

Совсем пропасть она может только в одном случае – если ничего не сделает и будет, как и прежде, ждать, когда все само собой разрешится. Никогда и ничего не разрешится! Мать утащит ее с собой в могилу, только и всего. Верка всю жизнь будет барахтаться с мужиками в постели, чтобы иметь возможность покупать матери героин. Надолго ли хватит ее самой? Не опередит ли она мать? Может быть, и не опередит, но и отстанет ненадолго.

Не переставая думать о найденных ею пистолетах как о символах множественности жизненных вариантов, Вера полностью раздела мужчину, который подчинился движениям ее рук, как сонный младенец. Она сняла с него всю одежду, включая белье, справедливо рассудив, что обнаженное тело отдыхает лучше. Да и гораздо приятнее спать обнаженным, считала она.

Она вновь перевернула мужчину на спину, его руку с пистолетом положила вдоль туловища, затем разделась сама и легла на вторую руку, прижавшись к спящему всем телом. Даже запах у этого мужчины был особенный, хотя от него, как и от всех мужчин, пахло табаком, одеколоном и потом. Однако голова у Верки слегка закружилась – запах тоже идеально соответствовал ее представлению о мужчине. Она втягивала его ноздрями, и по бедрам у нее пробегали мурашки.

Ни малейшего желания у нее не было. Она бы даже расстроилась, если бы он сейчас проснулся и начал ласкать ее, гладить ее тело. Она хотела только лежать рядом с этим мужчиной и испытывать очень редкое для нее в последние недели ощущение спокойствия и умиротворения.

Она хотела бы всегда спать на плече этого мужчины. С этой мыслью она и заснула.

Глава 5

Вера проснулась одновременно с мужчиной, на плече которого спала. Сладкое предчувствие начинающегося приключения наполнило все ее тело радостным томлением. Но она не спешила показывать, что проснулась. Ей очень хотелось узнать, как он будет себя вести дальше. От этого многое зависело, и в первую очередь – главное: не ошиблась ли она, посчитав его тем мужчиной, о встрече с которым мечтала с детства? Не начнет ли он суетиться, спешно искать свою одежду, судорожно одеваться, разыскивать свои железные смертоносные игрушки и испуганно озираться по сторонам?

Что ж, в таком случае она не станет ему мешать, она даже сделает вид, что не заметила его перепуганных метаний, и даст ему уйти. Это будет означать, что она в очередной раз ошиблась и приняла желаемое за действительность.

Мужчина несколько раз втянул в себя воздух. Вера знала, что он сейчас принимает к ее запаху, и ее наполнило волнение. Именно так он и должен реагировать, по ее представлениям, – прежде всего запах! Точно так же, как в древнем первобытном мире, где мужчины были все настоящими, поскольку не настоящие, слабые и безвольные просто погибали от рук тех, кто сильнее. Ощутить запах – древнейшая реакция – и это очень хорошо! В том, что осталось в человеке от первобытного мира, в том, что люди сумели сохранить в себе с древнейших времен, очень много подлинного, непридуманного.

«Теперь он должен на меня посмотреть, – подумала Вера, – а потом прислушаться к самому себе, нет ли для него опасности?»

Она почувствовала, как он повернул голову в ее сторону. Все правильно. Он услышал ее запах и захотел посмотреть на нее. Значит, ее запах ему понравился, иначе он просто отстранился бы, не взглянув в ее сторону. А теперь он разглядывает ее обнаженное тело. Наверняка его удивит, что и он обнажен тоже.

Его тело слегка напряглось и тут же вновь расслабилось, но Вера поняла, что это не от ощущения опасности, просто он проверял свои ощущения от прижавшегося к нему женского тела. И это тоже так и должно быть – сработала еще одна сигнальная система. Он постепенно включается в реальность и не испытывает при этом опасности. Вера была уверена, что сразу поймет, едва только в нем зародится ощущение опасности. Она привыкла общаться с мужчинами на физиологическом уровне и очень хорошо понимала язык тела. Сейчас мужчина разговаривал с ней именно на этом языке.

Напротив, она чувствовала в его теле интерес к себе, не сексуальный, а... Вера не знала, как это называется. Просто человеческий, что ли, интерес.

Принимая ее за спящую и стараясь ее не потревожить, мужчина вытащил из-под ее головы руку. Секунду помедлив, он сел. Сквозь опущенные ресницы Вера видела, что он поднял руку с пистолетом и удивленно посмотрел на оружие.

«Надо показать, что я все еще сплю! – подумала Вера. – Я вчера сделала слишком много, сегодня можно и не проявлять такую активность. Вчера он был слаб, словно раненный в драке зверь. Сегодня он отдохнул и должен сам быть инициативным. Все зависит от того, что он сейчас делает».

«Все» – означало ее жизнь и ее будущее. Но в это Вера уже не имела права вмешиваться. Это должно было совершиться само, без ее участия. Свой шаг она уже сделала.

Она не стала «просыпаться», а только сладко потянулась, испытывая удовольствие от того, что он смотрит на ее обнаженное тело, распрямила затекшие ноги, зачмокала губами, пошевелила головой. Как и все женщины, она умела играть органично, когда этого требовали обстоятельства.

Вера повернулась, легла на спину. Ощущая легкость во всем теле от охватившего ее чувства полной свободы, она поскребла ногтями волосы на лобке и «забыла» руку между ног. Другую руку она положила себе на грудь, слегка сжала и замерла в расслабленной неподвижности. Дыхание ее было ровным и спокойным.

Пока она возилась, мужчина смотрел на нее. Потом он огляделся вокруг и заметил свою одежду. Одеваться он начал медленно и спокойно, без всякой суеты, словно это был его дом, его спальня, его женщина лежала на кровати и он просто собирался на работу, как делал это изо дня в день каждое утро. От его движений веяло обыденностью и уверенностью. Веру это еще более обрадовало, но и насторожило.

Мужчина не мог просто так одеться и уйти, пусть даже он сделает это спокойно и уверенно. Он должен был что-то совершить, чего Вера от него ждала. Если он этого не сделает, Вера будет считать, что она его нисколько не заинтересовала. Муторное предчувствие страданий от ощущения своей женской неполноценности заставило ее напрячься, и она едва не открыла глаза. Ее остановило только то, что мужчина, одеваясь, продолжал ее разглядывать. Вера следила за его взглядом.

Он несколько раз провел взглядом по ее телу, но на его лице ничего невозможно было прочитать. Вера смогла только понять, что его глаза чуть дольше задержались на ее бедрах. Остановил он взгляд и на черном треугольнике ее лобка. Но она не видела в нем того чувственного ажиотажа, с которым рассматривали ее тело другие мужчины. Они заставляли ее раздвигать ноги и тщательно, другого слова она не может подобрать, исследовали ее влагалище. А этого вовсе не интересовало... Он смотрел на ее лобок, как на «знак» женщины. Вера поняла, что ему просто приятно смотреть на ее тело и что он хочет смотреть на него еще и еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.